

19 ИЮН 1955

## САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ПУТЕМ

Можно со многим спорить в спектаклях Владивостокского драматического театра, многое отвергать, но всегда, вернее, почти всегда, понимаешь, ради чего театр ставит именно эту пьесу, что ему в ней дорого, что он отстаивает, за что борется. А репертуар театра самостоятельный и интересный. Три современные пьесы о жизни людей своего края, получившие здесь впервые сценическую жизнь, произведения классической драматургии, которые принято зачислять в разряд забытых или несправедливо обойденных, — это не мало.

Быть может, наиболее удачный спектакль театра — «Хрустальный ключ» Е. Бондаревой, рассказывающий о жизни пограничников. Это пьеса не очень глубокого захвата жизни, наивно театральные ситуаций, но с острой интригой, верно намеченными характерами. В театре (режиссер Н. Бондарев) она получила неожиданно яркое звучание.

В постановке ясно ощущается тот герой, которого утверждает театр своим творчеством: человек чистой души, широкого сердца, гуманных побуждений. Театр последовательно открывает в своих героях это настоящее, чистое, человеческое. Он показывает его в бесхитростной горячей любви к песне обделенного слухом повара Яши (А. Присяжнюк), такой любви, что он точно задыхается от мучительного блаженства, когда услышит хорошую мелодию; и в отцовском требовательном чувстве капитана Быстрова (П. Попов) к своим солдатам; и в той почти детской застенчивости, с которой объясняется в любви балагур, озорник, «душа заставы» Захаров (Г. Апитин). И здесь же проходит другая тема — суровой воинской закалки, возмущения этих простых, чистых ребят.

Мотив столкновения человеческой чистоты, благородного порыва с косностью, грязью стяжательства заинтересовал, очевидно, театр в «Расточителе» Н. Лескова. Зритель увидел резкие, исполненные гнева и издевки картины бесправия и произвола в пореформенной России. Но вместе с тем в этом спектакле — одной из последних работ коллектива — очень обнаженно проявились две противоположные тенденции в стиле театра.

Вот Марина Гуслярова, затравленная, доведенная до отчаяния приставаниями купца Бнязева, узнает, что ее возлюбленный сошел с ума. В. Долматова не срыгается на крик, не впадает в истерику. Сухие от горя глаза, неподвижное лицо. Вся изболевшаяся, притихшая, медленно и очень просто произносит она страшные слова: «...мне его... совсем не жаль?... Ты не слышал, как женщины, которые от родов умпрают, детей своих видеть не хотят, — так и он мне... Я им измучилась...». А рядом, в этом же спектакле, В. Козел — Молчанов: несомненно, живой темперамент, очевидно, искренняя страсть, но и ложная патетика, декламационность, позирование, раздражающие мелодраматические ноты. И здесь же многие главные персонажи — купец Балина, в ряде сцен, к сожалению, и Марина — В. Долматова, — почему-то декламирующие, как стихи, прекрасную прозу Лескова. Режиссеру Н. Тепперу не удалось передать стиль автора, и он навязывает Лескову чуждую ему высокопарность и напыщенность. Но дело не только в этом спектакле. Тревожит то, что и в других постановках наблюдаешь то же соседство истинного и поддельного, простоты и манерности.

В театре есть талантливые актеры, воспитанные в хороших реалистических традициях. Бесшабашная удаль и детское простодушие партизанского командира Черняка («Сергей Лазо»), хитроватая простота и задристость деда Герасима («Хрустальный ключ»), приправленная елеем жестокость и неутолимая, точащая душу алчность часовщика Яковлева («Фальшивая монета») — всю эту огромную гамму чувств, оттенков человеческих свойств Г. Антошников проигрывает безошибочно точно, добиваясь полного красочного звучания.

Всего в одной роли Полины из «Фальшивой монеты» пришлось увидеть нам М. Полетаеву, но трудно забыть ее странный, подавленный не то смех, не то плач и тихий голос, в котором слились и бесконечное презрение, и горький сарказм, и радость освобождения, когда в последней сцене она бросает в лицо Яковлеву: «Спаситель мой... Будь ты проклят, гадина!».

Можно подробно говорить и о П. Попове, и об А. Аркадьеве, Г. Апитине, А. Брандте, о Т. Виноградовой, П. Литвиненко, — всем им присущ тот простой, непринужденный реалистический стиль исполнения, который так цельно и ясно проявился в «Хрустальном ключе» да, пожалуй, и в другом спектакле, поставленном Н. Бондаревым, — «Сергей Лазо». Главное достоинство этой постановки, на наш взгляд, в том, что режиссер и артист Апитин сумели отказаться от всяческой позы, от парадности, — увы! — присутствующей в пьесе, и проникновенно, просто рассказали о легендарном герое гражданской войны. Но здесь же претенциозное, крикливое исполнение М. Муккарской роли Нины Робертовны. Вот такие контрасты должны привлечь внимание коллектива, кстати, они проявляются и в режиссуре.

«Фальшивая монета» в постановке К. Ведерникова — свидетельство того, что коллектив способен решать самые серьезные творческие задачи, выдвигаемые горьковской драматургией.

В точно схваченной, взрывчатой атмосфере горьковской пьесы перед зрителями проходит вереница претендентов-наследников, представителей душевного мира, мира вороватых святош и полицейских, дворянских вырожденцев и сыщиков, сладострастных дур и мещан с ушибленным самолюбием, людей, чьи чувства, желания, мысли, мораль — все фальшивая монета.

Театр не всегда поднимается до уровня горьковских обобщений. Но в целом спектакль, по существу не опирающийся ни на какую сценическую традицию, дал умное толкование горьковской пьесы.

Но вот «Разные люди» в постановке того же К. Ведерникова. Эта первая пьеса молодого драматурга В. Железнякова, повествующая о работниках рыболовной промышленности Камчатки, имеет одно несомненное достоинство: ее герои, действительно, разные люди, со своими резко очерченными взглядами. И эти различные взгляды сталкиваются, в пьесе происходит борьба идей, а это не так часто удается нашим драматургам. У автора, несомненно, острый глаз, стремление решать значительные задачи. Но есть в пьесе серьезные просчеты.

Дело не только в композиционной рыхлости — в первой пьесе это можно понять; беда в другом: интересно заявив своих героев, автор не сумел показать закономерное развитие их судеб. В пьесе огорчительно слабый третий акт. Конфликт идей подменяется здесь острыми приключениями, развитие характеров — стремительной, головокружительно легкой перековкой. Это тем более обидно, что самое интересное в пьесе — интеллектуальная борьба, и плохо, когда она решается при помощи должностных взысканий.

Но характерно и иное. К. Ведерников отступает здесь от принципов постановки «Фальшивой монеты». Все наиболее ценное в пьесе — мысль, поиски, мечты героев оказались оттесненными на задний план. Зато тщательно разрабатываются жанровые сцены, любовные приключения, акцентируются комедийные мотивы.

В большинстве постановок Владивостокского краевого драматического театра имени М. Горького мы ощущаем подлинную простоту, стремление к суровому реализму, ясности мысли. Но хочется пожелать талантливому коллективу более последовательно и четко проводить именно эти принципы, решительно бороться с поверхностным, бытописательским подходом к жизни, с ложно-патетической манерой исполнения.

Ю. ХАНЮТИН